

Бріана, достаточно напомнить, что, будучи одним из наиболее видных пропагандистов идеи всеобщей стачки, как орудія борьбы с капиталистическим государством, Бріан оказался в то же время и одним из первых глашатаев тѣх средств, коими можно предупредить возникновение всеобщей стачки и бороться с ея пагубными результатами. Еще в концѣ 10-го года Бріан внес законопроект о незаконности стачки в публично - необходимых службах и обязанности арбитража под угрозой отвѣтственности для компаній (желѣзных дорог) и рабочих синдикатов. Ближайшій сотрудник Бріана, выдающійся юрист Грюнбом - Балэн недавно отмѣтил связь новѣйших законов 31 декабря 35 г. и 13 января и 16 февраля 37 г., с социальными - политическими взглядами Бріана. По отношенію социалистов к проблемѣ обязательнаго арбитража можно судить об эволюціи, продѣланной социалистическим сознанием во Франціи на протяжении четверти вѣка. Когда Бріан внес свой законопроект, орган Жореса писал: «Обязательный арбитраж — одна из тѣх чудовищных концепцій, которыя могут созрѣть лишь в тронутых и подозрительных мозгах. Обязательный арбитраж — совершенно естественен как украшеніе режима в эпоху государственнаго переворота, который мы переживаем. Эта концепція — увѣнчаніе всѣх усилій, на правленных реакціей для дезорганизациі синдикальных сил рабочих... Рѣшили, наконец, упразднить право стачек и осуществить лицезѣрную и чудовищную юрисдикцію, названную ими обязательным арбитражем»..

Бріану принадлежит и план мобилизациі желѣзных дорог и желѣзнодорожнаго персонала, как мѣры борьбы против паралича вмѣстѣ с транспортом и всей жизни страны... К Бріану и его полемикѣ с Клемансо и борьбѣ против «стоячих болот» и выборных интересов мѣстной колокольни восходят споры и о преимуществах мажоритарной и пропорціональной систем выборов (Бріан защищал пропорцію), которым в ближайшем будущем суждено вновь волновать политическія страсти во Франціи.

М. Вьяшняк

Charles Seignobos. — Essai d'une Histoire comparée des Peuples de l'Europe. — Paris. Rieder 1938.

Достоинство и оригинальность послѣдней работы Сеньобоса — такая же «откровенность», с какою написана его предыдущая книга, *Histoire sincère de la Nation Française*. Эта «откровенность» — в свободѣ от всяких условных формул, от псевдо - научных понятій (он сам говорит об этом в предисловіи), какими нерѣдко историки подмѣняют и искажают дѣйствительность. Он не «субстантивирует» объектов историческаго вѣдѣнія — или, вѣрнѣе, то, что, поддаваясь внушеніям рѣчи, мы принимаем за эти объекты: народ, государство, общество, социальный класс, — тогда как на самом дѣлѣ единственный реальный объект историческаго науки и субъект исторіи, это — человѣкъ; и он с полным основаніем обращает главное вниманіе на то, как жили люди в тот или другой періоды, на мелочи их быта, на повседневныя условія их обихода, считая это самым важным для «средняго человѣка»; там, гдѣ он говорит о том, что относится к духовной культурѣ о міровоззрѣніях,

идеологіях, філософських, художественних направлєніях, он опять - таки показує прежде всего, как все это отражалось и преломлялось в сознаніи «средняго чєловѣка».

В этом главная привлекательность и цѣнность замѣчательной книги Сеньбоса, из которой многому может научиться не только обыкновенный читатель, но и историк - специалист, хотя никаких «открытій» автор не дѣлает, никаких новых объясненій не предлагает: просто — в его изложеніи все как - то оживает, выступает ярче, конкретнѣе, живеннѣе, чѣм у историков, «разсуждающих» об исторіи и ищущих за жизнью какіе - то якобы управляющіе ею «законы».

Задача, которую поставил себѣ Сеньбос, показать, путем сравненія исторіи отдѣльных народов, общность присущих им в каждый историческій момент тенденцій, и тѣм самым — единство европейской исторіи. Все - же это единство было и остается единством в многообразіи: ход исторіи каждаго народа имѣет свои индивидуальныя черты, опредѣляемая географическим положеніем, соціальной структурой, историческими традиціями, слагавшимися в силу дѣйствія множества случайных условій, степенью реальной мощи, и т. д. — все, что мы зовем, может быть, неточно, національным характером. Мнѣ кажется, что именно сравнительное изслѣдованіе исторіи европейских народов и должно было - бы имѣть своей цѣлью, помимо той, какую поставил себѣ Сеньбос, и другую: выяснить, в чем состоит индивидуальность каждаго народа, понимая под этим вовсе не какія - то постоянныя, укорененныя в несуществующей «народной душѣ» свойства, а просто обусловленныя самим ходом исторіи, житейским укладом, распределеніем собственности, господствующими видами занятій и т. д., и т. д. навыки сознанія, присущіе если не всему народу в цѣлом (что мы о нем знаем? вѣдь как рѣдко, даже и теперь «массы» дают знать о себѣ), то, по крайней мѣрѣ, руководящим общественным слоям.

В предисловіи автор предупреждает, что он говорит лишь вкратцѣ о «литературѣ и искусствах», так как они занимают лишь ничтожное мѣсто в жизни подавляющаго большинства людей, и, что касается духовной культуры, посвящает главное вниманіе тѣм ея проявленіям, какія оказывали наибольшее вліяніе на массы: вѣрованія, нравственныя воззрѣнія, воспитаніе.

Вѣрно, конечно, что если не считать того, что относится к фольклору или к роману - фельетону, «литература и искусства» удѣл лишь немногих. Но они — показатель **жизненнаго стиля**, духовных тенденцій соответствующаго момента, и тѣм заслуживают вниманія и с точки зрѣнія «общей» исторіи. Автор, правда, в нѣкоторых мѣстах выдерживает эту точку зрѣнія; иногда же измѣняет ей.

Что до вѣрованій, то в своем стремленіи показать прежде всего, как они преломлялись в сознаніи «средняго» чєловѣка, автор иногда доходит до чрезмѣрнаго упрощенія дѣйствительности. Можно - ли, напр., утверждать, что религиозный подъем в період послѣ французской революціи сводился только к тому, что «привилегированныя» стали видѣть в религіи орудіе для обузданія масс? «Семья именитых или состоятельных русских обращались к практикѣ христіанской религіи даже в

православной Россіи», — говорит автор. Это, очевидно, обмолвка: он хотѣл сказать:... католической религіи. Приложимо - ли это, однако, к Чаадаеву, Печерину, и еще к тѣм немногим из православных русских, которые так или иначе влеклись к католичеству?

П. Биццалли

The Refuges Problem. Report of a Survey by Sir John Hopes Simpson.
— Oxford University Presse, 1939, p. p. 637.

Этот обширный труд о положеніи бѣженцев всѣх стран и о положеніи бѣженскаго вопроса послѣ войны обязан своим происхожденіем инициативѣ лондонскаго «Королевскаго института международных дѣлъ» и поддержкѣ этого предпріятія Рокефеллеровским фондом и другими учреждениями. Руководитель подготовительной работы, начавшейся с сентября 1937 г. и законченной в октябрѣ 1938 г., сэр Хоп Симпсон организовал комитет «исслѣдователей», посѣтивших различныя страны эмигрантскаго разсѣянія. Участником этого комитета для русских бѣженцев был А. Ф. Ступницкій, совершившій поѣздки по Франціи, Югославіи, Болгаріи, Румыніи, Чехословакіи, Польшѣ и балтійским государствам. Правительства соотвѣтственных государств оказали активное содѣйствіе подбору матеріалов. Таким образом «Обзор» сэра Джона Хопа Симпсона является самым полным собраніем данных о современном положеніи эмигрантскаго вопроса. Предварительный отчет был уже сообщен Эвианской конференціи; настоящій полный отчет, замѣнившій его, предназначается для осенней сессіи Лиги Націй, гдѣ, послѣ окончанія дѣятельности организациі Нансена, организација помощи бѣженцам должна быть радикально перестроена. Русским бѣженцам в «Обзорѣ» отведено самое видное мѣсто: этот отдѣл, вмѣстѣ с сообщеніями по отдѣльным странам, занимает около 100 страниц.

В предисловіи указано, что «Обзор» не мог, конечно, включить в изученіе послѣднюю стадію бѣженства, вызванную в особенности волной расистских преслѣдованій в Германіи и в других государствах. «Страны, до сих пор бывшія либеральными в своих взглядах и практикѣ, приняли мѣры для огражденія себя от вселенія новых бѣженцев или даже для освобожденія себя от тѣх, которые уже у них поселились. Созданные таким образом новые факторы грозят превратить задачу, уже трудную саму по себѣ, в совершенно недоступную для работы и контроля частных организаций, которыя до сих пор несли на себѣ главную тяжесть труда. Повелительно ставится на очередь участіе правительств в самом широком размѣрѣ».

Остается пожелать, чтобы собранный сотрудниками г. Хопа Симпсона обильный матеріал выяснил необходимость болѣе широкой постановки помощи бѣженцам, старым и новым, и облегчил переход к новой системѣ, ставшей необходимой.

П. М.